

области // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 36, 37; Он же. Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана // ИИС. 1973. Вып. 7. С. 42, 50.

³⁹ См.: Косинская Л. Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 48—51.

⁴⁰ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. С. 163, 167; Обьденнов М. Ф. Ареал межовской культуры позднего бронзового века и характеристика поселений на Южном Урале // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 124.

⁴¹ См.: Потемкина Т. М. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 104, 105; Она же. Бронзовый век лесостепного Притобоя. С. 96, 97.

⁴² См.: Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений... С. 36—44; Стефанов В. И., Труфанов А. Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье: (По материалам поселения Сибирская Саргатка I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

⁴³ См.: Могильников В. А. Исследование курганной группы раннего железа Калачевка II // КСИА. 1968. Вып. 114. В 1987 г. раскопки Калачевских курганов продолжил А. Я. Труфанов.

⁴⁴ См.: Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений... С. 44—51.

⁴⁵ См.: Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 127; Труфанов А. Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 73.

⁴⁶ См.: Голдина Р. Д. Городище Кучум-Гора // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 147—152.

⁴⁷ См.: Там же. С. 151; Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Старо-Масляное поселение // ВАУ. Вып. 8.

⁴⁸ См.: Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 104.

⁴⁹ См.: Матвеев В. О. Происхождении и начальном этапе истории саргатской культуры // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 60, 61.

⁵⁰ См.: Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы ... С. 92, 99.

С. Ф. КОКШАРОВ
Институт истории и археологии УрО АН СССР

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА Р. КОНДЫ

Конда, один из крупных таежных притоков Иртыша, имеет протяженность более 1000 км при площади водосбора 69 600 кв. км¹. Из-за труднодоступности археологическая изученность этой территории длительное время оставалась неудовлетворительной. Изыскания здесь носили, как правило, случайный характер². Хозяйственное освоение края в прошедшие 10 лет послужило толчком к активизации археологических исследований Уральского университета и Тобольского пединститута. Современное состояние источников позволило проследить развитие культуры кондинского населения с конца III до рубежа II—I тыс. до н. э.³

Предлагаемая хронология согласуется с подобными разработками для сопредельных территорий Западной Сибири. Однако она существенно отличается тем, что мы оперируем не самостоятельными культурами (волвончинской, полымьятской и т. д.), а группами памятников, отражающими, на наш взгляд, основные этапы развития культуры кондинского населения в энеолите — бронзовом веке. Это объясняется спецификой охотничье-рыболовческого хозяйства в таежной зоне Западной Сибири, обусловливающего наличие традиционных мест промыслов и затрудняющего массовые передвижения населения. Срединное положение Кондинского бассейна по отношению к р. Сев. Сосьве, Оби, Иртышу и Тавде наложило отпечаток на облик материальных остатков с данной территории. Это определило схожесть и нередко однотипность источников (керамики, изделий из камня и др.) с перечисленных районов, к которым мы будем апеллировать по мере изложения необходимых характеристик. Таким образом, разработанная схема после соответствующих изменений и дополнений будет справедлива для соседних речных систем. Следует заметить также, что культура населения Конды рассмотрена на ограниченном временном отрезке, и вопрос о ее хронологических рамках открыт.

В позднем энеолите по всему течению Конды распространены поселения волвончинского типа⁴ (Волвонча I, раннее жилище; Геологическое III, раскоп III, жилище 2). Жилища этого времени углубленные, подпрямоугольные площадью от 33 до 200 м² (рис. 1-12, 16). Самые крупные были, по-видимому, шатровыми и окружались дренажными канавами. В центре помещения располагался очаг, пол обычно посыпался охрой.

Волвончинская керамика баночной формы с круглым дном и часто с закрытым устьем, встречаются чаши, в том числе четырехугольные и ладьевидные (рис. 1-18—28). Декорирование производилось гребенчатыми и гладкими штампами. Широко распространены нанесенные ими глубокие наколы. Техника «шагающей» гребенки почти не встречается. На керамике Верхней Конды известны отпечатки арочных гребенчатых штампов, скобки, оттиски полой трубочки (рис. 1-18, 23). Для орнамента характерно наличие широких горизонтальных зон, размещенных на тулове и в придонной части сосудов. Особую нарядность посуде придают бордюры из сеток с квадратной и шестигранной (сотовой) ячейками (рис. 1-20, 25). Сетчатые и линейные орнаменты нередко рассечены вертикальными колонками. На керамике встречаются антропо- и зооморфные изображения (рис. 1-25).

Вещевой инвентарь включает скребки на отщепях, шлифованные топоры, тесла и глиняные рыболовные грузила сигаровидной формы (рис. 1-13—15, 17). Отходов производства каменных орудий сравнительно немного.

Хронологическая позиция волвончинских памятников определяется по стратиграфическим данным, облику находок и радио-

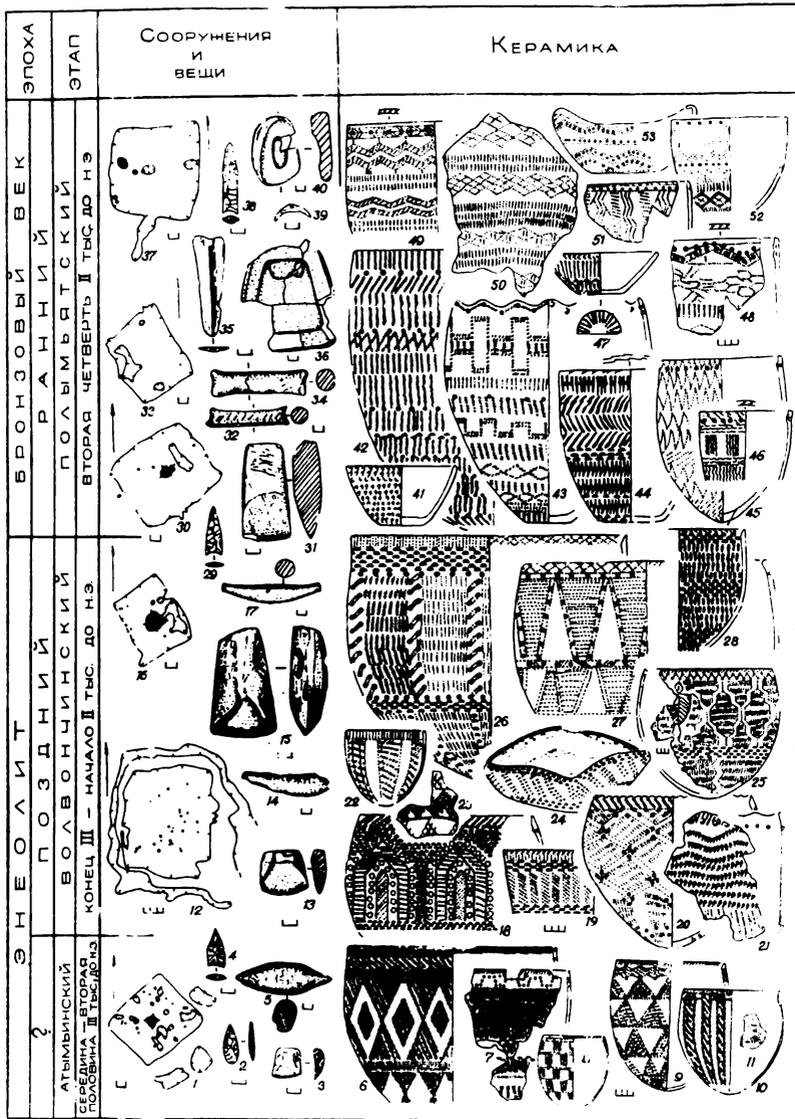

Рис. 1. Материальная культура кондинского населения в энеолите — бронзовом веке:

1—3, 6—11 — стоянка Атымья VII; 4 — стоянка Атымья II; 5 — местонахождение Деревинское II; 12, 20, 22, 25—28 — поселение Волвонча I; 13—19, 21, 23—24, 29—31, 33—35, 38—39, 41—53 — поселение Геологическое III; 32, 36—37, 40 — поселение Лева VIII; 1, 12, 16, 30, 33, 37 — очертания ям и котлованов жилищ; 2—4, 13, 15, 29, 31, 38 — камень; 5—11, 14—28, 32, 34, 36, 40—53 — глина; 35, 39 — металл

углеродным датам. Во-первых, известны случаи перекрывания жилищ этого времени слоями раннего бронзового века. Во-вторых, формы посуды и сетчатый геометризм в орнаменте, большое количество узоров из ямок позволяют сопоставлять волвончинскую посуду с липчинской⁵, атымьинской⁶ и андреевской⁷. В-третьих, волвончинская и андреевская керамика встречена в одних комплексах с сигаровидными грузилами⁸. Учитывая изложенное, мы вправе синхронизировать памятники Конды с андреевскими, которые датируются концом III—началом II тыс. до н. э.⁹ Этому не противоречат две из пяти абсолютных дат, полученных по углю с поселения Волвонча I,—2290 и 1950 лет до н. э.¹⁰ Определяя место волвончинских материалов среди других памятников Конды, отметим, что они сменяют энеолитические атымьинские (рис. 1-1—11), но предшествуют раннебронзовым полымьятским.

На поселениях полымьятского типа¹¹ известны первые изделия из металла и зафиксированы следы его плавки. По уровню развития металлообработки памятники разделены на ранние и поздние.

Ранние полымьятские сооружения имели подпрямоугольные или квадратные котлованы, углубленные в материк на 35—80 см (поселения Лева VIII, XII; Геологическое III, раскоп III, жилище 3; раскоп IV, жилище 1). Площадь построек от 36 до 72 м² (рис. 1-30, 33, 37). В большинстве из них были очаги, пол посыпан охрой.

Керамика представлена банками с круглым, уплощенным и плоским дном, прямыми или слегка наклоненными внутрь стенками. Встречаются сосуды оригинальных форм. По технике орнаментации посуда делится на три типа: украшенную фигурно-штампованной змейкой (рис. 1-46), «шагающей» и печатной гребенкой (1-42—45).

В композициях доминируют линейные узоры: пояски отрисков вертикально и наклонно поставленных штампов. Монотонные линейные узоры разрежены поясками ямок (рис. 1-42), наколами штампов (1-42, 44), ступенчатыми фигурами и ромбами (1-43).

Остатки металлообработки включают тигли, односторонние литейные формы и готовые изделия. В формах отливались заготовки — полуфабрикаты в виде эллипсов и трапеций (рис. 1-36, 40), которые впоследствии обрабатывались ковкой. Металлических предметов немного: шило, лунница (рис. 1-93) и несколько кованых пластинок.

Рыболовные глиняные грузила, в отличие от энеолитических, имеют раздвоенные или Т-образные концы; некоторые предметы орнаментированы (рис. 1-32, 34).

Сооружения на поздних полымьятских поселениях (поздние слои поселений Пашкин Бор I; Волвонча I; Геологическое III, раскоп I, жилище 1; Геологическое VII, жилище 3) имели под-

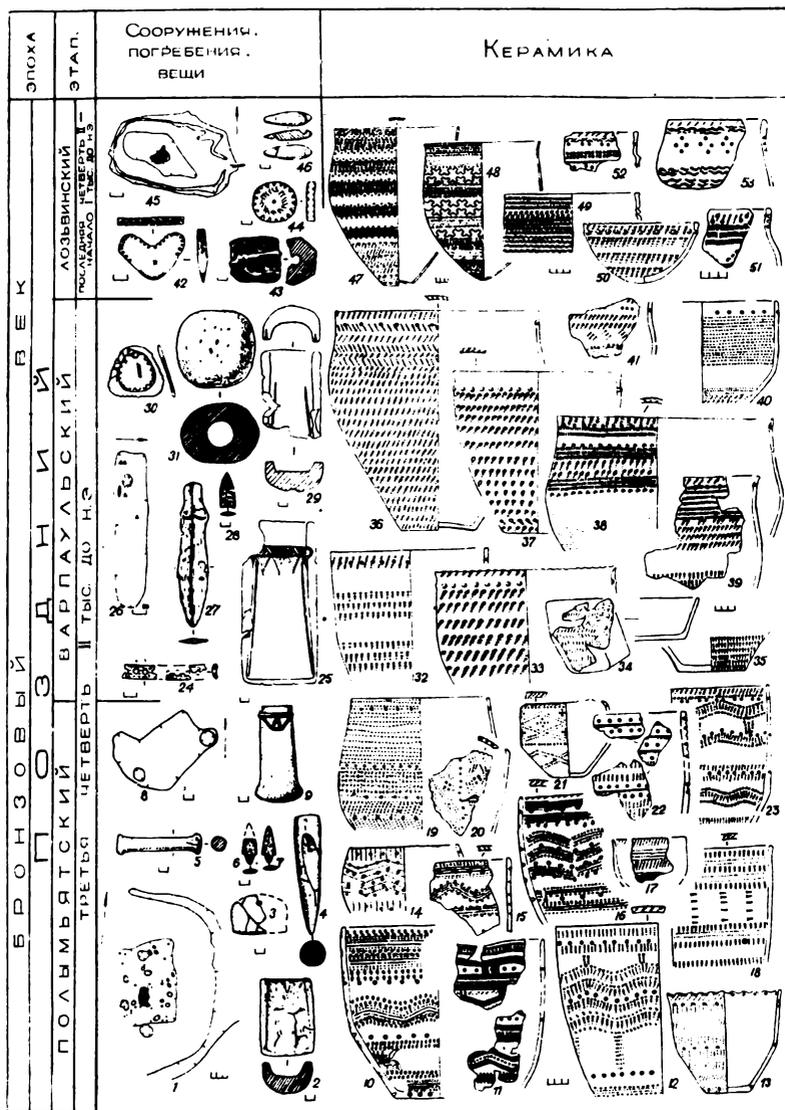

Рис. 2. Материальная культура кондинского населения в энеолите — бронзовом веке:

1—7, 10—12, 15—18, 20—23 — поселение Пашкин Бор I; 8, 13, 19 — поселение Пашкин Бор VI; 9, 14 — поселение Волвонча I; 24—25, 29—30, 32—33, 36—37 — Сайгатино VI; 26—28, 31 — могильник Сатыга XVI; 34—35, 38—41 — поселение Ленино I; 42 — Туманские укрепленные жилища; 43 — местонахождение Алымский Бор II; 44, 49 — поселение Низямы VII; 45—46, 50 — поселение Низямы VIII; 47 — поселение Леуши XIII; 48 — поселение Леуши X; 51—52 — стоянка Деревенское I; 53 — поселение Пашня I; 1, 8, 26, 45 — очертания ям и котлованов жилищ; 2, 4—5, 10—23, 29, 32—44, 47—53 — глина; 3, 6—7, 25, 28, 30—31, 46 — камень; 9 — реконструкция кельта по литейной форме; 24 — кость; 27 — металл

прямоугольные котлованы, углубленные на 10—80 см. Наряду с небольшими постройками (около 20 м²) возводились крупные объекты, достигавшие 200 м². По конструктивным особенностям последние (рис. 2-1) напоминают позднеэнеолитическое жилище Волончи I. В постройках прослежены центральные очаги — кострища, на полу отмечена охра.

В этом периоде изготавливаются плоскодонные банки, иногда с ребристым переходом от тулова к придонной части (рис. 2-10—23), единично — слабопрофилированные горшки. Встречены четырехугольные и ладьевидные емкости (рис. 1-53). При сохранении керамики с «шагающим» и печатным гребенчатым орнаментом на памятных Нижней Конды появляются сосуды, украшенные протаченной гребенкой. (рис. 2-11). Посуда с фигурно-штампованной змейкой исчезает. Узоры преимущественно горизонтальные, линейные: оттиски гребенки, чередующиеся с зигзагами, ромбами и разнообразными оконтуренными лентами. Если ленты в виде волн больше характерны для южных керамических комплексов (рис. 2-10, 12, 15, 23), то ленточные зигзаги чаще встречаются на севере территории (1-49, 50, 53). У части ленточных зигзагов и волн на внешних изломах помещены короткие ответвления (рис. 1-49; 2-11, 12, 23). Кстати, на Верхней Конде ярче выражен сетчатый геометризм, когда узоры строились на основе рассеченных сеток с различными по форме и заполнению ячейками (рис. 1-48, 50, 52). К числу архаичных черт относится вертикальная разбивка орнаментального поля (рис. 2-15).

В глиняных формах отливались заготовки, аналогичные раннеполымьятским (Верхняя Конда), а также кельты самусьского типа (рис. 2-2; Нижняя Конда). Судя по негативам, кельты имели овальное устье и тулово, лишены ребер жесткости, но у некоторых имелись усиленные валиками втулки. Из других находок заслуживают внимания сердечники для отливки копий и других втульчатых предметов. Известно одно металлическое изделие — обломок двулезвийного ножа с ребром на одной плоскости (рис. 1-35).

С комплексами северных памятников связано большое количество каменных предметов, изготовленных преимущественно из кварца и иных некремнистых пород камня. Это долотовидные орудия (рис. 1-31), в том числе типа *pieces ecaillees*, а также шлифовальные плиты. На южных поселениях найдены черешковые наконечники стрел из кремня (рис. 2-6—7) и абразивные плитки.

Ранние полымьятские материалы по ряду черт соотносятся с сартыньинскими¹², ташковскими¹³, гаринскими¹⁴, а поздние — с самусьскими¹⁵, кротовскими¹⁶, коптяковскими¹⁷ и атаманнюрскими комплексами¹⁸ (самусьско-сейминской эпохи). Эти аналогии и стратиграфические наблюдения позволяют датировать полымьятские поселения второй-третьей четвертями II тыс. до

н. э. (соответственно периодами ранней и поздней бронзы).

Промежуточное положение между полымьятскими и лозьвинскими памятниками занимают комплексы, содержащие керамику варпаульского типа¹⁹ (могильник Сатыга XVI, культовое место Сайгатино VI, поселение Ленино I). Это банки и слабопрофилированные горшки с плоским дном, иногда с ребром на переходе от тулова к придонной части (рис. 2-32—41), сосуды оригинальных форм. В орнаменте доминирует печатная гребенка. Композиции просты: пояски оттисков гребенчатых штампов, в ряде случаев разделенные зигзагами, ромбами и наклонными колонками. Под венчиками сосудов — ямки и жемчужины.

С варпаульской керамикой найдены литейные формы кельтов двух типов: сейминско-турбинских (Сатыга XVI) и самусьско-кижировских (Сайгатино VI)²⁰. Первые (2 экз.) изготовлены из глины и имеют поясковый орнамент в виде горизонтальной лесенки. На одном изделии от пояска опущены треугольники. Вторые (2 экз.) изготовлены соответственно из глины и талькохлоритового сланца (рис. 2-25, 29). В глиняной форме отливался неорнаментированный кельт, в каменной — ложноушковый с орнаментом в виде пояска взаимопроникающих треугольников, дополненного треугольными фестонами, направленными в сторону лезвия.

Из других находок следует отметить пластинчатые ножи с невыделенной рукоятью, нож срубно-андроновского типа (?; рис. 2-27), кремневые наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием (2-28), сланцевый штамп для нанесения гребенчатого орнамента, навершие булавы из кварца (2-30, 31) и костяные пластинки с отверстиями (2-24).

При определении времени варпаульских памятников кроме датирующих вещей учтены: случаи перекрывания полымьятских объектов варпаульскими и сходство варпаульской керамики с отдельными сосудами черноозерско-томского варианта андроновской общности. Имеются все основания для отнесения рассмотренных материалов к андроновской эпохе или второму этапу бронзового века Западной Сибири (по М. Ф. Косареву)²¹, т. е. к концу третьей — началу последней четверти II тыс. до н. э.

В период поздней бронзы в Зауралье, Нижнем Приобье и на Конде появляются памятники с керамикой лозьвинского типа²² (поселения Пашня I, Талья I). Если на р. Тавде они генетически связаны с предшествующими сотниковскими комплексами²³, то на Конде, где последние неизвестны, их истоки логично искать среди варпаульских. В этой связи укажем на сходство сотниковских и некоторых варпаульских сосудов по орнаменту, выполненному гребенчатыми штампами с длинными узкими зубцами (рис. 2-38—39).

Лозьвинская керамика представлена слабопрофилированными горшками, чашами и ладьевидными сосудами с круглым и пло-

ским дном (рис. 2-47—53). Посуда тонкостенная, изготовлена из хорошо отмученной глины без видимых примесей. Орнамент наносился оригинальными штампами из обожженной глины (рис. 2-44). Форма их рабочей поверхности различна: в виде гребенки, ромбической сетки, одно- и многорядовой змейки. Комбинированные глиняные штампы для воспроизведения типичных лозьвинских узоров найдены и на вагильских поселениях р. Тавды (рис. 2-42). На некоторых сосудах отмечены отпечатки крупных прямых крестов, желобки и валики. Монотонный линейный орнамент в виде горизонтальных поясков разрежен ямками, группирующимися по две и более в ряду. Наряду с преобладающими линейными узорами встречаются меандры (рис. 2-48), один из которых известен по этнографическим данным под названием «уши зайца»²⁴, или «щучьи зубы»²⁵.

Из других находок интересны рыболовные грузила из камня и глины. Каменные аналогичны атлымским²⁶. Глиняные различаются формой и способом крепления к сети. Во избежание соскальзывания они снабжались желобком или сквозным отверстием (рис. 2-43).

Лозьвинская керамика встречена в одних слоях с сузгунской и атлымской второго типа. Исходя из датировок сузгунской и атлымской культур (соответственно рубеж II—I тыс. до н. э. и XII—VIII вв. до н. э.)²⁷, время существования лозьвинских памятников Конды может быть определено концом II—началом I тыс. до н. э. В раннем железном веке они сменяются поселениями с кульминской керамикой²⁸.

В заключение проследим изменения материальной культуры во времени. При сравнении шатровых жилищ позднего энеолита и позднего бронзового века отмечена тенденция к уменьшению глубины котлованов, т. е. постепенному вытеснению углубленных сооружений наземными. Ближайшие аналогии шатровым постройкам по размерам имеются на неолитическом поселении Чес-тый-яг, а по дренажным системам (водоотводным ямам и канавам) — на энеолитическом поселении Атымья VII²⁹ и Туманских укрепленных жилищах конца бронзового — начала железного века³⁰.

Изменение формы керамики выражается в постепенном вытеснении в период ранней бронзы круглодонных сосудов плоскодонными и обратным процессом в период поздней бронзы. Однако отождествление энеолитической и позднебронзовой посуды лишь по форме дна неправомерно, так как последняя представлена преимущественно горшками, появляющимися в самусьскую эпоху. Параллельно с морфологическими изменениями исчезают и появляются вновь те или иные приемы орнаментации. Почти полное отсутствие гребенчатой качалки в позднем энеолите компенсируется ее присутствием на более ранней атымьинской и полымьятской посуде. Применение штампов в виде змейки сближает керамику ранней и поздней бронзы.

Ямки, сгруппированные по две — четыре, в равной степени характерны для волвончинских и лозьвинских сосудов и т. д. В целом развитие орнамента заключается в переходе от широких бордюров к узким, исчезновении вертикальной разбивки орнаментального поля, угасании сетчатого геометризма и постепенном преобладании линейных мотивов. На поздних этапах бронзового века узоры выполнялись чаще не гребенкой, а фигурными штампами в форме змейки и креста.

Изобретенные в энеолите глиняные рыболовные грузила совершенствуются вплоть до начала раннего железного века. Модификации форм отражают, вероятно, поиск оптимального способа крепления их к сети. В этом отношении очень рациональны грузила со сквозными отверстиями, найденные на лозьвинских памятниках.

Переход от производства простейших металлических изделий к качественно новым, оснащенным втулкой, наблюдается при анализе остатков литейного производства, найденных на средне- и нижнекондинских памятниках. Причем самыми ранними втульчатými орудиями являются, по нашим наблюдениям, кельты самусьского типа, встреченные с полымьятской керамикой. Эта посуда, типологически близкая доандроновским комплексам, не может быть отнесена ко времени более позднему, чем варпаульская, с которой связаны формы кельтов сейминско-турбинского и самусьско-кижировского облика. Здесь, видимо, есть над чем подумать, но ясно одно: подобные вопросы должны решаться с учетом всего имеющегося материала.

¹ См.: Шульц Л. Р. Очерк Кондинского района // Урал. техн.-экон. сб. Вып. 8, ч. 1: Уральский Север. Свердловск, 1926. С. 20; Козловский А. К. Очерк р. Конды и ее бассейна // Водные ресурсы Урала. М., 1933. Т. 1. С. 179.

² Библиографию см.: Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. С. 173.

³ Автор выражает искреннюю благодарность Н. К. Стефановой, Н. А. Алексащенко, Г. П. Визгалову, Е. М. Беспрозванному, В. М. Морозову, В. Н. Широкову, В. М. Коноркину и А. В. Расторопову за разрешение использовать в работе неопубликованные данные.

⁴ Название было дано по наиболее полно изученному поселению Волвонча I.

⁵ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. Рис. 11-7-8; 12-1, 4, 10.

⁶ См.: Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3. С. 44—63.

⁷ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. Рис. 14—15.

⁸ См.: Там же. С. 52.

⁹ См.: Ковалева В. Т. Андреевская группа памятников в Нижнем Приоболье // ВАП. Тюмень, 1979. Вып. 2. С. 68, 70; Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. С. 53; Старков В. Ф. Культуры периода раннего металла в лесном Зауралье // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 70.

¹⁰ Другие даты: 4000, 3310, 2770 лет до н. э. Все определения проведены в лаборатории ЛОИА АН СССР.

¹¹ На протоке Польшьятской раскопано первое жилище этого времени

(см.: **Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф.** Поселение бронзового века на р. Конде. С. 161). Ранние полымьятские памятники Леушинского Тумана и р. Левы Г. П. Визгаловым были выделены в леушинский тип (см.: **Визгалов Г. П.** Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 53).

¹² См.: **Васильев Е. А.** Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. Рис. 4-6а-в.

¹³ См.: **Ковалева В. Т.** Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 29—46.

¹⁴ См.: **Бадер О. Н.** Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99. Рис. 43-1, 4, 7, 9; 45-1.

¹⁵ См.: **Матюшенко В. И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 1: Самусьская культура // ИИС. Томск, 1973. Вып. 10.

¹⁶ См.: **Молодин В. И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

¹⁷ См.: **Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. Рис. 25-2, 5; 26-1, 6.

¹⁸ См.: **Стоколос В. С.** Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. С. 95—152.

¹⁹ От бывших юрт Варпауль (совр. Варпавла) на северном берегу оз. Сатыгинский Туман, где находится могильник Сатыга XVI.

²⁰ Определения сотрудника ИА АН СССР канд. ист. наук С. В. Кузьминых.

²¹ См.: **Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. Рис. 42-4-5, 8.

²² См.: **Викторова В. Д.** Основные этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // ПХКПАПЗС. Томск, 1970. С. 257.

²³ Комплексы выделены В. Д. Викторовой (см.: **Викторова В. Д.** Археологическая карта бассейна р. Туры и Тавды: Опыт систематизации и периодизации археологических памятников: Дис. ... канд. ист. наук // АКА УрГУ, ф. III, д. 127).

²⁴ См.: **Хомич Л. В.** Ненцы. М.; Л., 1966. Табл. X-1, 4.

²⁵ См.: **Лукина Н. В.** Альбом хантыйских орнаментов. Томск, 1979. Рис. 71-2.

²⁶ См.: **Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.** Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой Горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. Рис. 5-10—15; **Васильев Е. А.** Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы: Хронология и культурная принадлежность памятников // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. Рис. 3-1-2.

²⁷ См.: Там же. С. 11—12; **Корочкова О. Н.** Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 19.

²⁸ См.: **Викторова В. Д.** Археологическая карта бассейна р. Туры и Тавды. С. 114.

²⁹ См.: **Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф.** Северное Зауралье накануне бронзового века. С. 44. Рис. 1-Б.

³⁰ См.: **Борзунов В. А., Липский В. И.** Туманские укрепленные поселения — жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. Рис. 1-3.